

4. БЕЛЫЙ АИСТ

Посмотрите в бирюзовое весеннее небо: там медленно выписывает круги и зигзаги белый аист. Не верится, что его небесные знаки не имеют человеческого смысла. Ваш восхищенный взгляд движется за птичьим полетом, вычерчивая в родном небе любимое имя, знакомое название, дорогое слово.

И в этот момент, когда аист вписывает в мир ваши мысли, вы непременно вспомните, как полгода назад смотрели в стальное осеннее небо ему, аисту, вослед. Что вы тогда думали? О том, что летит он в теплые страны? Или о том, что на долгих шесть месяцев Беларусь остается без своего крылатого символа? Не мелькнула ли у вас, словно пугающая сердечная колика, тревожная мысль: а если не вернется никогда — что будет тогда с Беларусью, со мною?

Аисты улетают-прилетают, а мы привязаны к нашей природе, к нашим проблемам. Мы поем, что не нужен нам берег турецкий, и Африка нам не нужна. Мы не способны остро реагировать на хроническую неустроенность отечества, как реагирует белый аист, у которого родина едина с нашей и который последние полвека неохотно прилетал в Беларусь. Вы это не заметили? Но вы же говорите, что любите родину? Как же вы не заметили, что Беларусь разлюбил белый аист, бусел, батян, бусэнь (как говорят в моем Горске)?

Полвека назад парным летним вечером над деревней Горск неслось: «Толик, вэчэраты!» Мама накормила кур, гусей, кабанчика. Напекла блинов, позвала за стол отца, младшего брата, а меня — не нашла. Я сидел на бревнышке за сараем, слушал, как со всех сторон света квакало, постанывало, всхлипывало, посвистывало, похрапывало...

В несчетных болотцах и лужках вокруг Горска славили вечную жизнь жабы, лягушки, земноводные. Я был частичкой бессмертного хора. Все во мне пело от счастья единения с природой. Та нотка называлась — Толик.

Вдруг в наш хор ворвался речитатив, напоминающий ритмичный стук палки о штакетник, когда ты бежишь рядом с забором, ведя палкой по колышкам, как по струнам музыкального инструмента. Это клекотал аист Петя, живший со своей семьей в гнезде на крыше соседского сарая дядьки Павла.

Резкий клекот аиста не разрушил гармонию во мне, хотя я знал, что завтра раненько аист будет медленно и важно шагать по лужкам и болотцам, зорко высматривать в траве жаб, лягушек и земноводных, чтобы ловко подхватить их клювом и проглотить. Я видел это много раз, когда купался с друзьями в озерцах и ручьях, а рядом с нами, на берегу, аисты занимались охотой. Однажды я видел, как аист подцепил гадюку и как долго они сражались не на жизнь, а на смерть. Я был на стороне аиста, и он победил. Оттого я еще больше полюбил аистов.

В пятидесятых годах белых аистов в Горске воспринимали как полноправных жителей деревни. Селились аисты на крышах хат и сараев. Усадьбы, где они поселились, считались более счастливыми. Некоторые земляки, желая себе больше счастья, пристраивали на крыше ненужное колесо от воза либо старую борону. Аисты понимали, что для чего, и немедленно ладили на человеческом фундаменте птичье жилье. Обитало тогда в деревне, как подсказывает моя детская, в основном ассоциативная, память, около десяти аистовых семей.

В шестидесятых-семидесятых годах «мелиорация» ликвидировала окрест Горска болота, болотца, лужки, озерца, ручьи, речки. Все до доньшка! И не только в Горске, а по всей стране, за исключением труднодоступных районов Полесья. Экологические, экономические, моральные последствия этого преступления зафиксированы в моих книгах. Веками аисты жили вместе с горчакками и вдруг оставили родную деревню. Улетели туда, где еще сохранились болота и естественные луга, а в них -- жабы, лягушки, земноводные.

В девяностых годах прошлого века случилось чудо -- в Горске вновь объявились аисты. Селиться начали не на крышах, как ранее, а на столбах линии электропередачи, стоящих вдоль улицы. Я насчитал в Горске одиннадцать гнезд! И только два из них -- на крышах сараев. Аисты приобрели новые привычки?

У дяди Миши на заборе я заметил необычное сооружение из проволоки, напоминающее то ли коня, то ли большой острый шлем. Такое произведение я видел в большом Мишином хозяйстве впервые и, конечно же, заинтересовался его практическим предназначением. Просто так земляк ничего не делает.

Миша пояснил, что проволочный «шлем» весной надевается на печную трубу, на самый кончик, что торчит над крышей. Как шапка. Зачем? Сейчас растолкую.

Весной Мишину хату облюбовал прилетевший из Африки бусэнь, который, видимо, постоянного жилья в Горске в прошлом году не построил, потому что был аистенком. На печную трубу аист по-деловому приносил и складывал палки, ветки, разный хлам. Строил гнездо.

Аистов дядя Миша уважает, был бы доволен, если бы аист поселился на крыше сарая, а не на печной трубе. Дом Миши уже четверть века отапливается природным газом, но печка («грубка») и русская печь из дома не выброшены. Стоят на всякий случай: а вдруг Россия отключит газ или заломит за него бешеную цену? Значит, печная труба должна быть работоспособной, не закупоренной гнездом.

Существенно и то, что аист птица чисто плотная, будет испражняться не в гнездо, а на шиферную крышу. Папа, мама, три аистенка обкакают пометом шифер, дождь развезет белесые потеки по крыше сверху донизу. Как на старом молитвенном доме у баптистов (недавно они построили новую церковь). Верующие, помнится, радовались аисту, а когда увидели загаженную крышу, гнездо сбросили. Обидели Божью тварь, что баптистам

несвойственно. Значит, причина была уважительной: люди заботились о красоте. Красота — тоже от Бога.

Чтобы не ломать аисту жизнь, дядя Миша решил поступить гуманно. Как только аист принесет очередную палку, Миша снизу кричит ему: «Кыш! Нельзя!» И угрожающе машет руками, топает ногами. Однако аист не курица, на «кыш!» не обращает внимания, человека не боится, носит и носит на трубу стройматериал. Бусэнь вел себя на родине как хозяин.

Пришлось Мише изобретать «шлем», надевать его на трубу, превращать свою хату в чучело. На острие «шлема» аист жить не отважился. У него был запасной плацдарм: телевизионная антенна соседа Дмитрия, поднятая в небо на длинном шесте.

Сосед неделю махал, топал, раскачивал шест. Тогда аист выбрал традиционный в последнее десятилетие вариант — поселился на черном столбе деревенской электролинии, над асфальтированной улицей, где толкуются и шумят люди, коровы, машины, комбайны. Там и жил все лето. Там родились и выросли три птенца.

В Европе тоже обратили внимание на то, что современные белые аисты гнездятся на столбах ЛЭП. Это новость, можно сказать, мировая, она присутствует в Интернете. Пишут, что численность аистов особенно увеличилась в Польше, где, видимо, им понравилось, что фермеры перестали осушать и травить химикатами свои небольшие угодья, как делалось там в семидесятые годы, при социализме.

В Польше сейчас сокращают площади сельхозугодий: подсчитали, что продовольствия меньше не станет, зато природа расширится, углубится, оживет. Когда я увидел, как в Польше бывшая пашня зарастает кустами, заболачивается, первое, что пришло мне в голову: бесхозяйственность! А когда вспомнил, что в Польше резко увеличилась популяция аиста, по-иному посмотрел на зарастающее поле: пусть лучше оно будет болотцем, дающим корм аисту и обогащающим природу, чем низкоурожайной пашней.

Один польский биолог посмотрел на аиста еще более пристально, нежели я. Он предположил, что на столбе под воздействием электрического поля получается более жизнеспособное потомство и что сие отпечатывается в генах аистов. И таким образом, дескать, белокрылые птицы эволюционируют. Благодаря лечебному электромассажу постепенно увеличатся размеры аиста.

Видимо, ученому поверили электрификаторы, сконструировавшие для аиста прочное металлическое основание под гнездо. Собственными глазами я убедился, что типовые «железные» гнезда аистов на столбах электрических линий — часть польского пейзажа.

Не впервой замечаю, как ученые, стараясь пришить какому-либо новому факту научную подкладку, делают глубококомысленно смешными. Или опасными. Как белорусские ученые-«мелиораторы», полвека назад в угоду тоталитарной коммунистической власти доказавшие необходимость и полезность тотального осушения. Эволюционируют не аисты, а люди, точнее — их социально-экономические и эстетические пристрастия.

В пятидесятые годы прошлого века аисты не гнездились в Горске на столбах потому, что в деревне отсутствовали и проводное радио, и электричество. Следовательно, и столбы. Хаты накрывали соломой либо осиновой дощечкой-дранкой. Аистовый помет не раздражал горчаков. Эстетические требования к жилью не были у моих односельчан столь высоки, как сейчас. Аистам не запрещали устраиваться на крыше хаты.

Современного же аиста надо бы пожалеть, что вынужден жить на столбе, где не смастеришь такое роскошное гнездо, как на крыше. Я с состраданием посмотрелся, как возле моей хаты аистовая семья, обжив столб, мучилась, а не жила. Жилище на столбе явно тесное. Чтобы сохранить равновесие и не упасть, птицы в гнезде размахивают крыльями. На ночь глава семьи перелетал на соседний столб, устраивался на верхушке. На одной ноге!

Ночью я выглянул в окно: на столбе на фоне лунного неба не шелохнувшись, на одной ноге стоял-спал мой детский друг Петя. А над деревней звучал лягушачий концерт, он был не такой мощный, как пятьдесят лет назад, но воскрешал надежду.

Аисты вернулись на обжитые за тысячелетия места — вот знаменательный для нашей страны факт. Грандиозное для Беларуси событие двадцать первого века. Аисты вернулись по той кардинальной и простой причине, что теперь Беларусь в состоянии обеспечить им сытный летний прокорм. Что означает, что на родные места вернулись жабы, жабки, лягушки, жучки-паучки, мелкие грызуны, ужи, змеи... А все перечисленные твари, в свою очередь, вернулись потому, что в Беларуси началось повторное заболачивание территорий, осушенных и умерщвленных социализмом. Началось самовосстановление изначальной белорусской природы как основы национального менталитета, быта, экономики.

Белый аист мог бы стать символом очередного белорусского возрождения, если бы... Если бы в Беларусь одновременно не возвращалась ползучим страшилищем та система, которая полвека назад прогнала аиста из Беларуси.

Еще раз напомним логику белорусского самоосушения. Так называемый «развитой социализм» держался на командной экономике, учитывающей, прежде всего, не национально-природные особенности подчиненных московской метрополии территорий (фактически — колоний), а «союзное разделение труда». Беларуси приказали развивать мясо-молочную специализацию. Для чего понадобились гигантские фермы, в строительстве которых особенно преуспел первый секретарь ЦК КПБ Ефрем Соколов, а в их пропаганде — публицист-конъюнктурщик Евгений Будинас. Размещенная там скотская орава, естественно, требовала кормежки. Потому «бесполезные» болота превратили в окультуренные кормовые угодья, надеясь вырастить там травы, злаки и картошку. Вырастить и скормить скоту.

Осушенный по примитивной технологии торфяник лет десять кое-как работал на колхозную ферму, затем неминуемо истощался («срабатывался», как выражаются специалисты), превращался в песок, в пыль. Во врага птиц, зверья, человека. Чтобы сохранить директивное поголовье скота, безумно осушали новые и новые болота.

В 1991 году «развитой социализм» как высшая ступень хозяйственной идиотии саморазрушился. Процесс иссушения Беларуси, к счастью, прекратился (за три десятилетия успели осушить примерно три миллиона гектаров). Белорусы должны молиться на Ельцина, Кравчука и Шушкевича, подписавших в Беловежской пуще справедливый приговор СССР и тем самым сохранивших белорусам и буслам Родину.

После 1991 года «мелиорированные» земли стали окончательно приходить в запустение (по разумению нынешних белорусских властей). По моему разумению -- начали возрождаться, то есть заболачиваться, зарастать лесом (как в Польше). Превращаться в основу основ нации -- исконную среду. Казалось бы, надо порадоваться. Затем -- разработать комплексную программу возрождения природы, деревни, экономики, культуры. Если бы да кабы!

Президентская ласть, вооружившись лозунгами СССР, трубит войну здравому смыслу и нашему будущему: спасем национальное достояние -- осушенные земли! Осушим их еще раз! Возродим крупные фермы! Обеспечим скот собственными кормами, а народ -- отечественным продовольствием!

Народ обмануть легко, бусла -- никогда. Бусел улетит навсегда.

2003